

№ 8 МАРТ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1936

К Р О К О Д И Л

Цена 40 коп.

НА РЕЙНЕ

— Вот так и я ехал в 1914 году.

Рис. Л. Бродаты

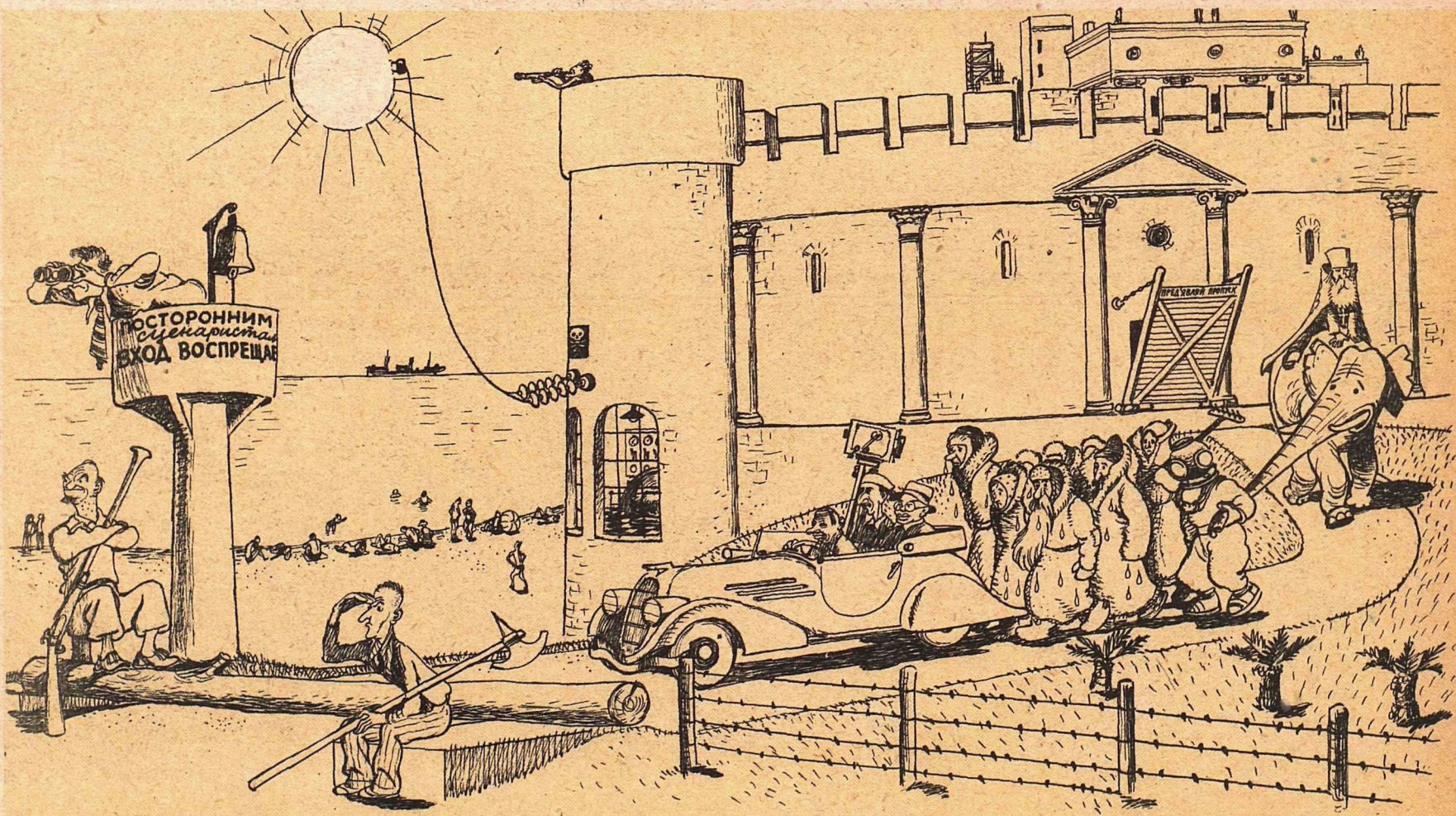
СКАЗАНИЕ О ПОТЕ

Рисунки К. Ротова

Мы сторонники самых горячих творческих кинодискуссий и с самыми конкретными и решительными выводами. Но они нас интересуют не с точки зрения хроники происшествий. Нас мало волнует поименный список лиц обоего пола, сложивших кости на дискуссионном бранном поле, хотя и такой списочек тоже иногда бывает полезен для памяти. Нас преимущественно интересует творческое лицо победителей и побежденных. Очень мы любим рассматривать эти лица и, не скрывая своего восторга или паники, делиться впечатлениями с читателями.

Дискуссионный кинобой, развернувшийся на наших глазах, выявил и победителей и побежденных. Лицо победителей ясно. Это те, которые сумели когда-то создать картины, обошедшие весь мир, которые недавно создали «Чапаева», после «Чапаева» — «Юность Максима», «Летчики», совсем наднях — «Мы из Кронштадта»; это те, которые иногда ошибаются, но всегда работают, которые дискутируют, но и снимают, а впоследствии сделают еще не одну хорошую картину. Им — честь, слава, добротная пленка почетное место в рядах работников искусства и полные сборы в кинотеатрах.

А лицо побежденных? Это те, которые отдыхают по три года без отрыва от производства или ставят мелкотравчатую халтуру с полным отрывом от искусства. Это те, которые говорят ясным и чистым голосом на дискуссиях, а картины у них хрипят простуженным баритоном нетрезвого бывшего дьякона. Это те дешовые люди, которые очень дорого обходятся государству, работнички, замкнувшиеся в узком семейном кругу из своих бывших и будущих жен и родственников — сценаристов. Это те, которые с упорством и эластичностью пьяного носорога перескакивают из лужицы формализма на навозный пригорок голого натурализма, чтобы потом беззаботно

Вход. Вдумчивый читатель сразу заметит несколько фигур, глубоко популярных в кинохалтурном искусстве и его притоках. Самая грустная из фигур сидит на наблюдательном столбе, роль и значение которого исчерпываются лаконической и четко выведенной надписью на нем.

Из ворот в это время уже выезжает кинообоз на съемку очередного эпизода из колхозно-пейзанской жизни. Преимущественно это мятущиеся души из очередной группы статистов, восемь дней сидящих в шубах под ласковым

солнышком и дожидающихся, пока режиссер переделает в сценарии великосветский завтрак в Лондоне на легкую вечеринку в помещении сельпо.

Скромный работник дна — водолаз — ведет священнослужителя на слоне, который вскоре будет вкраплен приемом наплыва в вечеринку как увядший символ тяжелого прошлого. Слон как звуковое животное тоже сыграет свою роль, будучи поставлен экзотической виньеткой около силосной башни.

РЯННОМ КИНОГРАДЕ

Текст Арн. Бухова

отдохнуть на пепелище собственной алмазами сияющей безграмотности. О них мы не можем сказать словами уже забытой простой песенки:

«Ой, братцы, мало вас, ой, братики, немножечко».

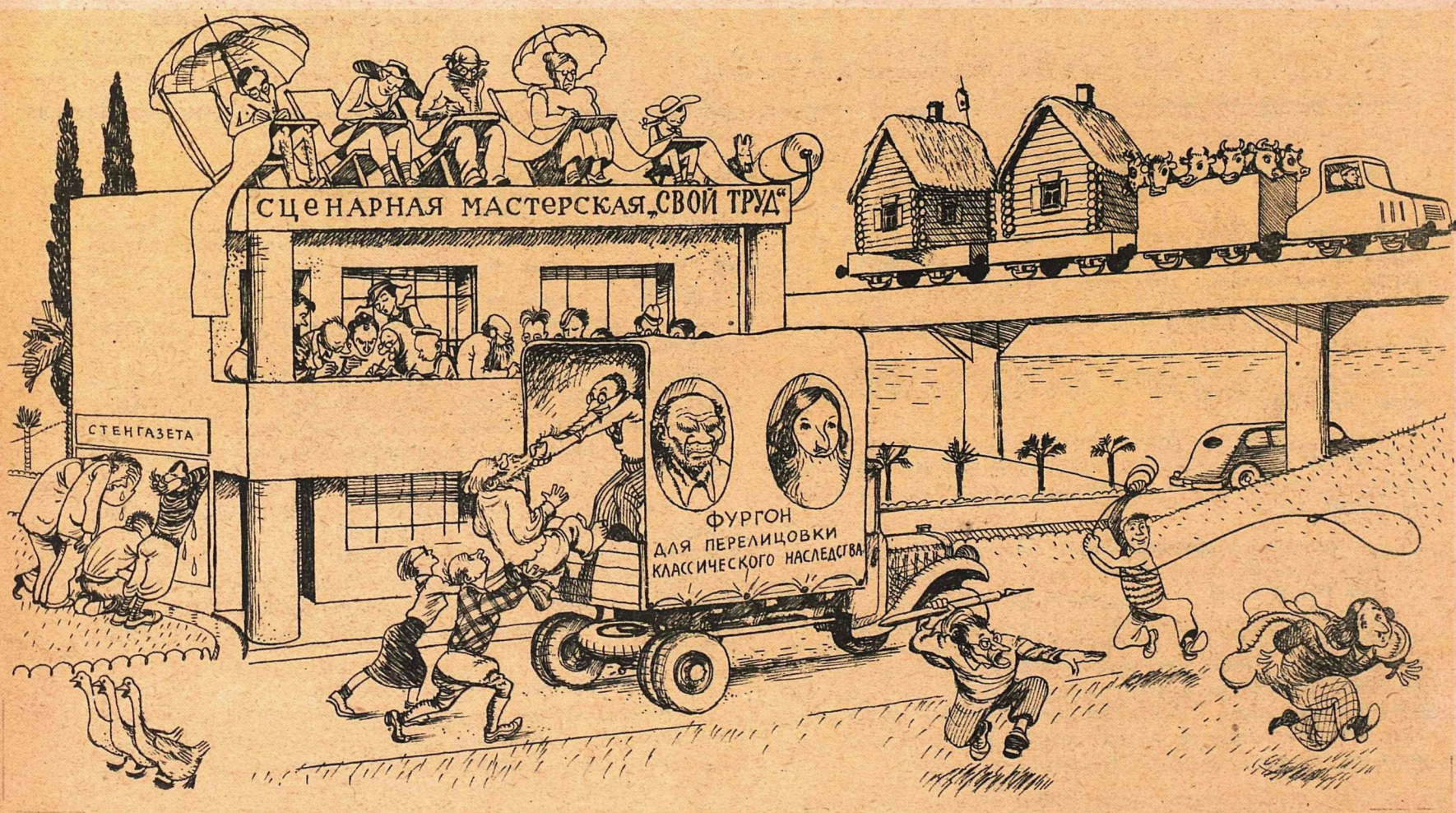
Их, к сожалению, довольно много. И они активны. И в мечтах своих они уже овладели будущим советским Голливудом, новым киноградом, из которого они хотели бы создать свою монолитную цитадель кинохалтуры.

Показать читателю их жадные мечты, претворенные в действительность, мы считаем весьма полезным делом. Пусть знают все. Поэтому, собрав все их дискуссионные высказывания, тщательно просмотрев грустные продукты их творчества, мы предложили художнику К. Ротову:

— Немедленно графически постройте советский Голливуд по планам и замыслам кинохалтурщиков, формалистов и прочая и прочая. Об исполнении доложите.

После нескольких дней упорного труда художник К. Ротов выполнил свою задачу. А так как перо веселого художника иногда не в состоянии выразить той грусти и уныния, которые сопутствуют потерянным мечтам, сопровождаем рисунки легкими раз'яснительными подписями.

Итак, по порядку:

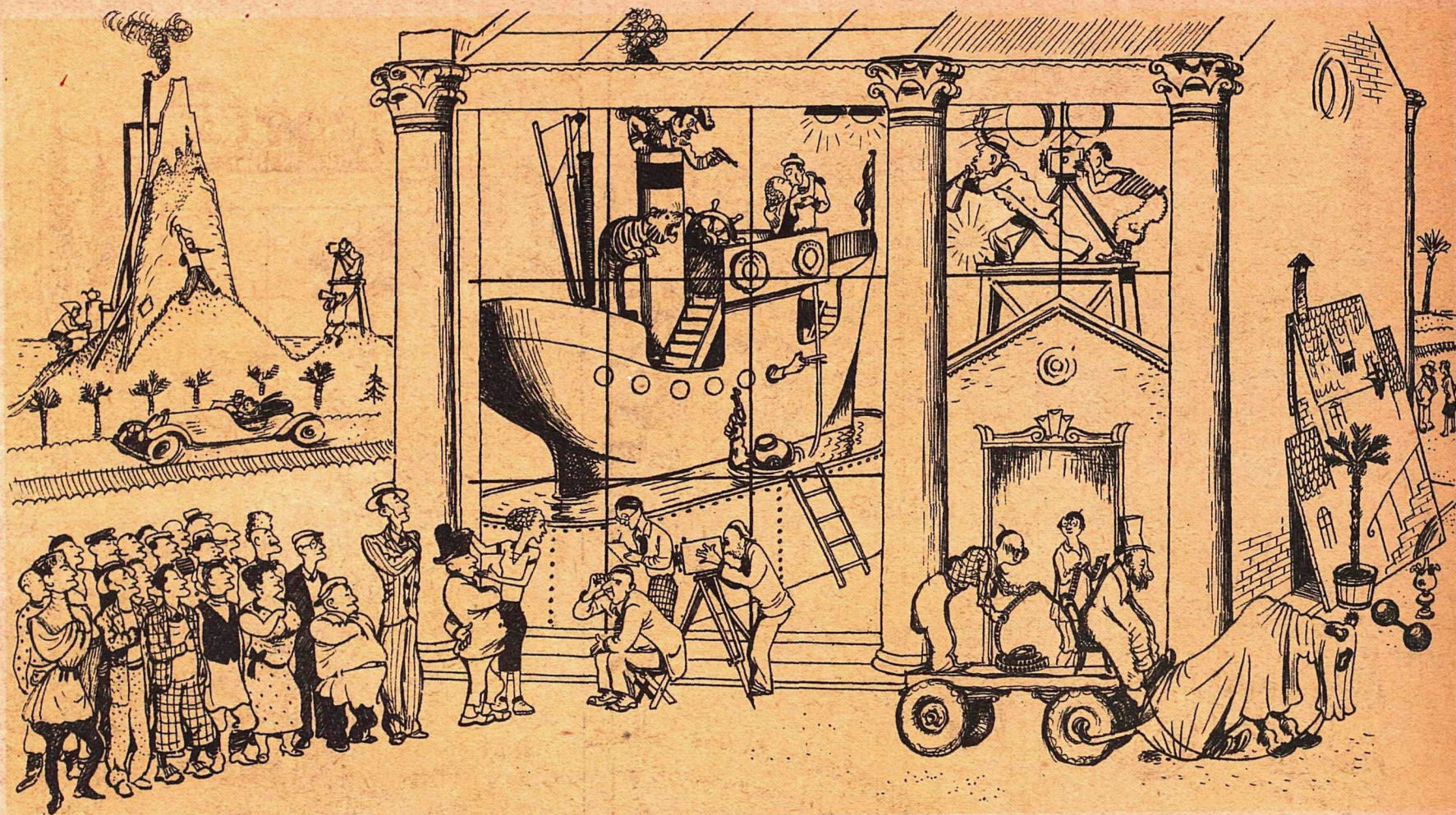
Дальше мы наткнемся на стенгазету Плача, около которой в перерыве между мясным завтраком и вполне сытным обедом истекают крупными слезами творческие работники. Здесь их мягко волнуют легкими упреками за отсутствие продукции, со скидкой, конечно, на занятость и трудность эпохи. После облегчающих слез они идут кушать мороженое-эскимо. Наверху режиссер в окружении многочисленного семейства пишет очередной сценарий. Он не одинок, этот труженик экрана и диафрагмы. Пишет супруга. Супругина мама. Ее муж — преклонный дедушка семьи. Слегка подворовывает на бумаге младший отпрыск — младенец Катя. И даже тихая семейная собачка «Ду-

ся» замерла в творческом раздумье: а не подкинуть ли и ей парочку сценариев своему человечку?

Внизу бойко перелицовывают классиков, застигнутых на месте происшествия. Им, как сказал поэт, и больно и смешно, но мать никому не грозит в окно, потому что грози не грози, а классиков все равно не спасешь.

Справа сверху — поезд, нагруженный стандартными разновидностями сельского хозяйства и домоводства, который увозит творческую группу в подмосковные дома отдыха для заснятия крымских пейзажей и ландшафтов.

Продолжение на след. странице

Слева наверху — съемка одинокого вулкана на заднем дворе кинофабрики. Незаметная техническая сила — пожилая гражданка, отапливающая жерло вулкана при помощи переносной печки, — является одновременно домработницей старшего режиссера-консультанта и работает в творческом процессе по совместительству.

Снизу — выбор типажа для роли Наполеона. Пусть читатель не удивляется присутствию дамы среди фотогеничных лиц мужского пола. Это жена

режиссера-постановщика. Несоответствие пола легко искупается родственными связями и творческими запросами психологически-семейного характера.

В центре — съемка еще неизвестной миру картины по сценарию, который принят четырьмя инстанциями, столькими же инстанциями отвергнут и будет наверняка запрещен реперткомом, о чем скорбно и говорит стынущий у подвеса легкий экипаж для заведомого брака и его вещественных последствий.

ДУША РЕБЕНКА

Выступая на педагогических собраниях, Анна Павловна, директор школы, обычно заканчивала свои длинные, умные, научно обоснованные речи неизменной фразой:

— А главное, друзья мои, нужно знать и понимать душу ребенка!

Однажды Анне Павловне доложили, что пятый класс живет недружно.

Через пять минут Мария Семеновна, классный руководитель пятого класса, бледная, застенчивая девица, с большим грустным носом, сидела в кабинете директора и волнуясь рассказывала:

— Очень часто ссорятся, Анна Павловна. В особенности девочки, Анна Павловна. Вчера Зина Кусидкая поссорилась с Таней Рундуковой — вот у меня здесь записано — из-за того, что Тania Рундукова сказала, что у Зины Кусидкой нос морковкой. Мальчики тоже ссорятся, Анна Павловна. Третьего дня — вот у меня записано — на большой перемене Витя Коляскин физически воздействовал на Васю Петухова. Почему он это сделал, я узнать не могла. Они все такие скрытные, Анна Павловна. Я бы даже хотела, чтобы вы меня перевели из этого класса, Анна Павловна.

— Вы плохо знаете душу учащегося, — значительно сказала Анна Павловна, — надо, голубчик, понимать, что у наших ребят имеются свои моральные нормы. Вот что. В пятом классе сейчас, кажется, свободный урок? Я пойду вместе с вами, и мы поговорим с ребятами по душам. Мне-то они все расскажут!

Анна Павловна одернула синий мужского покроя пиджачок, оправила седые коротко остриженные волосы и вышла из кабинета.

Пятый класс помещался в конце коридора. Оттуда несся слитный, могучий, банного строя шум.

Анна Павловна решительно отворила дверь. Шум мгновенно стих. Витя Коляскин, сидевший верхом на Васе Петухове, соскочил со своей жертвы. Бедная жертва так, на четвереньках, и уползла на свою парту. В пятом классе наступила неприятная, тревожная тишина.

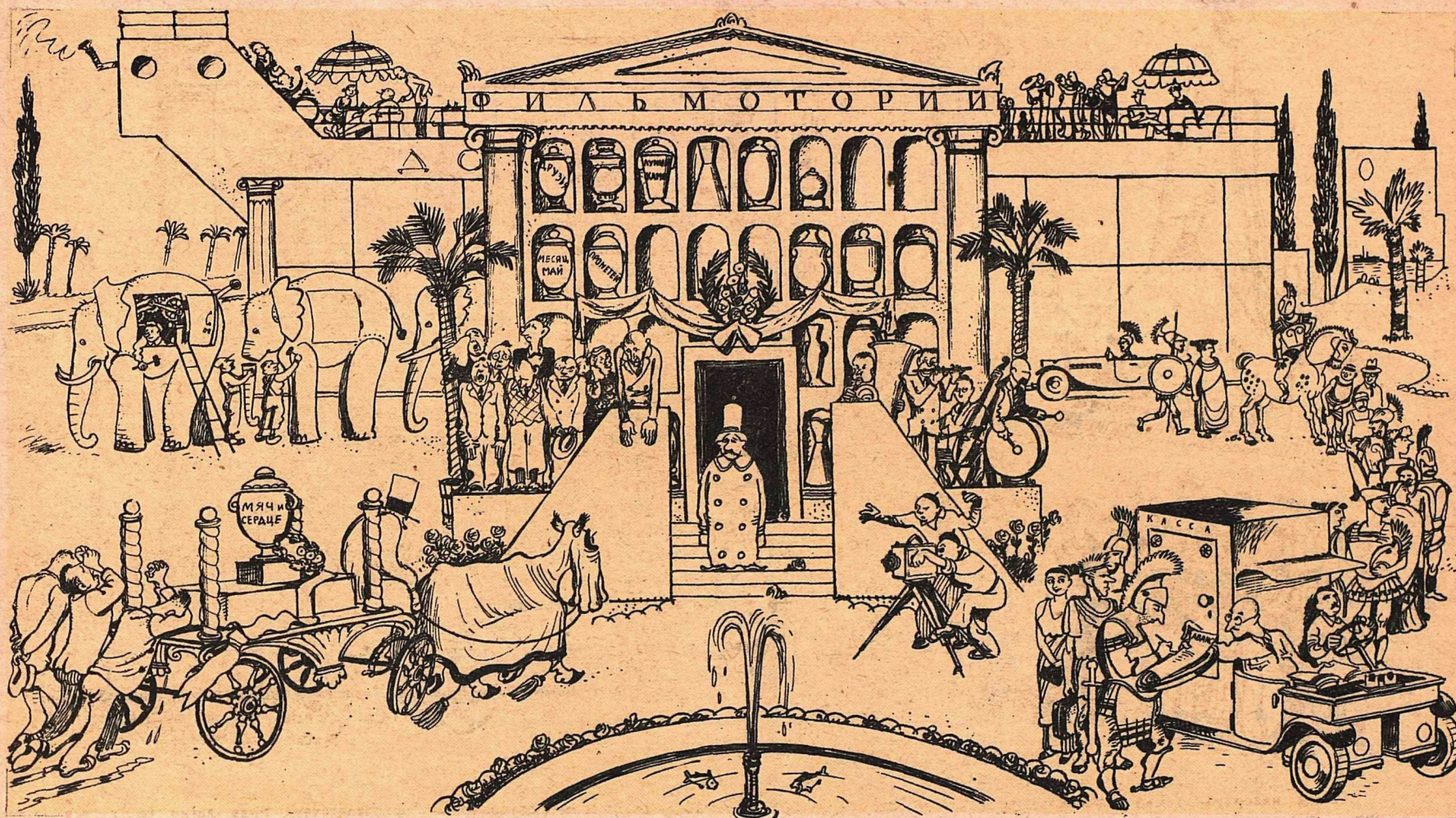
— Сядьте, дети! — металлическим голосом сказала Анна Павловна, строго глядя на обращенные к ней испуганные детские глаза. — Мне стало известно, что пятый класс живет недружно. Вы часто ссоритесь, деретесь. Это нехорошо, дети. Мы должны в нашей социалистической школе жить дружно. Ну, кто скажет мне, почему пятый класс живет недружно?

Пятый класс сурово безмолвствовал.

— Ребята, мы же вместе с вами строим нашу социалистическую школу! Ведь все мы, так сказать, камешки этого прекрасного здания. Вот вы мне и расскажите о себе, как этому... вашему старшему камешку.

На задней парте кто-то фыркнул. Но молчание нарушено не было.

— Д-да... действительно, скрытные они у вас, Мария Семеновна. Дети, предупреждаю, если не будете сами отвечать на мои вопросы, я буду всех по алфавиту спрашивать.

И вот мы у самого грандиозного здания — у фильмотория, нежно хранящего погибшие сокровища производства, то есть забракованные фильмы. Тут, действительно, дорогие покойники, и каждый из них дороже другого не меньше чем на 100 тысяч. Сквозь стеллажи и покаяния подводят еще одного киноусопшего, и с громким всхлипыванием убиваются постановочные вдовы в полосатых брюках и штатные сироты, потерявшие покой и премиальные. И безотчетная грусть на лице у хранителя фильмотория. Подчеркиваем: безотчетная. А если бы еще требовались немедленные отчеты, что бы тут только было!

Но пусть читатель долго не скорбит над этим внешне грустным пейзажем: нет той быстротекущей печали, которая бы не сменялась бурной радостью. Слева еще звучат надфильменные рыдания, здесь еще, поэтически выражаясь, — грустные сумерки кинопроизводства, а справа — уже сияющее

утро творчества. Уже лихо, как периферийный пожарный обоз, выехала касса. Привычные мозолистые руки творческих работников уже протянулись за авансами, командировочными, постановочными и другими художественными замыслами. В щебетании птенцов режиссерского гнезда, в восхищенном ворковании фотогенных друзей и знакомых, в ласковом трепете газетных анонсов и передовых статей в газете «Кино» зарождается будущий дорогой покойник. Мир твоему будущему праху, грядущий младенец!

Слева — слоны, оставшиеся от невыполненного замысла по постановке «Мертвых душ». На одном из них Чичиков должен был похитить тетку помещицы Коробочки. Слоны были изготовлены механические ввиду недостатка живых слонов на внутреннем рынке. Слева — слон в рабочем состоянии, справа — закрыт на обед.

Продолжение на следующей странице

По классу прошел тревожный шелест, подобный порыву ветра перед ливнем. На последней парте поднялась чья-то трепещущая, испачканная чернилами рука.

— Наконец-то! — обрадовалась Анна Павловна. — Ну, говори, мальчик. Как твоя фамилия?

— Ба-ба-ба...

— Да ты не волнуйся, тогда и не будешь заикаться. Мария Семеновна, как его фамилия? Барабанов Миша? Скажи нам, Миша Барабанов, почему пятый класс живет недружно?

— Бо-бо-бо...

— Ну-ну, смелее.

— Бо-боюсь. Зад-зад-зад...

— Ну что зад, зад?..

— Зад-зад... задразнят.

— Садись, садись. Да, Мария Семеновна, теперь я сама вижу, что ваш класс оч-чень, оч-чень неблагополучен. Мальчики боятся выступать. Дети, как вам не стыдно, ведь вы же зажимаете самокритику!

Миша Барабанов сел. Уши его пылали. Со всех сторон к нему тянулись завистливые взгляды. Счастливцев, его уже не будут больше спрашивать.

— Хорошо. Оч-чень хорошо! — продолжала настойчивая Анна Павловна. — Раз никто не хочет говорить, даже пионеры, тогда иначе будем действовать. Мария Семеновна, как

фамилии этих двух мальчиков, которые часто дерутся? Витя Коляскин и Вася Петухов? Встаньте, Коляскин и Петухов, идите сюда.

Витя Коляскин и Вася Петухов обреченно вышли на середину класса.

— Отвечай, Витя Коляскин, почему ты ссоришься и обижаешь Васю Петухова.

Витя Коляскин молчал, внимательно изучая носок своего ботинка.

— Я жду, Витя Коляскин.

Витя шумно вздохнул и сказал басом:

— Зачем он записывает?

— Куда записывает? Говори толком!

— В книжку себе записывает. А потом Марь Семеновне передает.

Бледная классная руководительница побледнела еще больше и сказала:

— Вася Петухов — мой первый помощник, Анна Павловна. Он записывает нарушителей дисциплины. Анна Павловна. Покажи Анне Павловне книжку, которую я тебе подарила, Вася.

Вася Петухов извлек из кармана штанов книжку с алфавитом и показал директорше.

— У меня порядочек, — солидно сказал он, — Нарушитель на букву «К» — Коляскин Виктор. Опоздал на третий

урок на десять минут. Это вчера. Он же выкинул в окошко меловую тряпку. Это сегодня. Он же показывал Марь Семёновне язык, когда она была отвернувшись. Нарушитель на букву «С» — Слоников Семен. Стрелял из пугача в урну. У меня порядочек. Нарушитель на букву «Ш»...

— Довольно, — остановила Васю Петухова Анна Павловна, — теперь все понятно. Коляскин, передай отцу, чтобы он зашел ко мне поговорить о твоём поведении. И ты, Слоников, передай. Дети, вы должны уважать и любить Васю Петухова. Поди сюда, честный, правдивый мальчик. Витя Коляскин, сию же минуту пожми ему руку! Ты пойми, что он добра тебе желает, когда записывает. Он помогает нам, твоим старшим каменщикам, то есть я хотела сказать — старшим товарищам, тебя воспитывать. Он твой настоящий, большой друг. Ты понял меня, Витя Коляскин? Ну, пожмите друг другу руки перед всем классом.

Витя Коляскин и Вася Петухов обменялись рукопожатиями.

— Оч-чень хорошо! Теперь вы друзья. Вася Петухов, если твой друг Витя Коляскин и дальше будет себя плохо вести, ты приходи прямо ко мне. Мы с тобой вдвоем его живо исправим. Придешь, Вася Петухов?

— Приду, — сказал Вася, блудливо скользнув глазами по каменным лицам пятиклассников.

На большой перемене Анна Павловна сидела с комсоргом Паласовым у себя в кабинете и восторженно рассказывала ему о беседе в пятом классе.

— Как я знаю душу советского ребенка! — говорила она. — Уверяю вас, что теперь эти два мальчика станут настоящими, большими друзьями. Тот, второй, Витя Коляскин, он меня понял. Ведь у них, у ребят, есть свои моральные нормы!

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

НЕСОСТОЯВШАЯ ССОРА

Сердиться жена начала на этот раз в 18 с половиной часов.

— Почему обо всем должна думать я?! — медленно и с душой продекларировала она. — Придут твои сослуживцы. Это тебе, а не мне надо их принимать. Но ты даже палец о палец не ударишь. Почему у меня должна пухнуть голова, а ты будешь читать свои газеты?!

— Что ты хочешь? — лениво отозвался муж.

— Я хотела бы знать, чем я их буду угощать? Что купить?

— Ну, купи крабов. Хорошие консервы, — сказал муж.

Жена, ожидавшая традиционного ответа «А я почему знаю?», вскинула голову и, подумав, ответила:

— Допустим. Но одними крабами людей не кормят.

— Тогда можно еще залом взять. Чудные астраханские сельди-залом. Прямо киты!

— Хорошо, — промямлила жена, — а еще что?

— Еще купи ливерной колбасы.

— Так. Допустим. А горячее что?

— Пельмени. И вкусно и быстро можно готовить.

— А ведь идея! — воскликнула жена. Но тут же спохватилась и ехидно добавила: — Не укажешь ли ты, что взять к чаю?

— Пожалуйста. Розовое варенье или джем черносмородиновый. Потом кексу можно развесного.

Жена просто разинула рот.

— Пашенька, — произнесла она, с трудом сдвинув рот обратно, — а про вино ты что думаешь?

— Водка, вишневая наливка, мукузань номер 65.

Слезы благодарности и радости показались на глазах жены. Она подошла к мужу и ласково прижалась к нему:

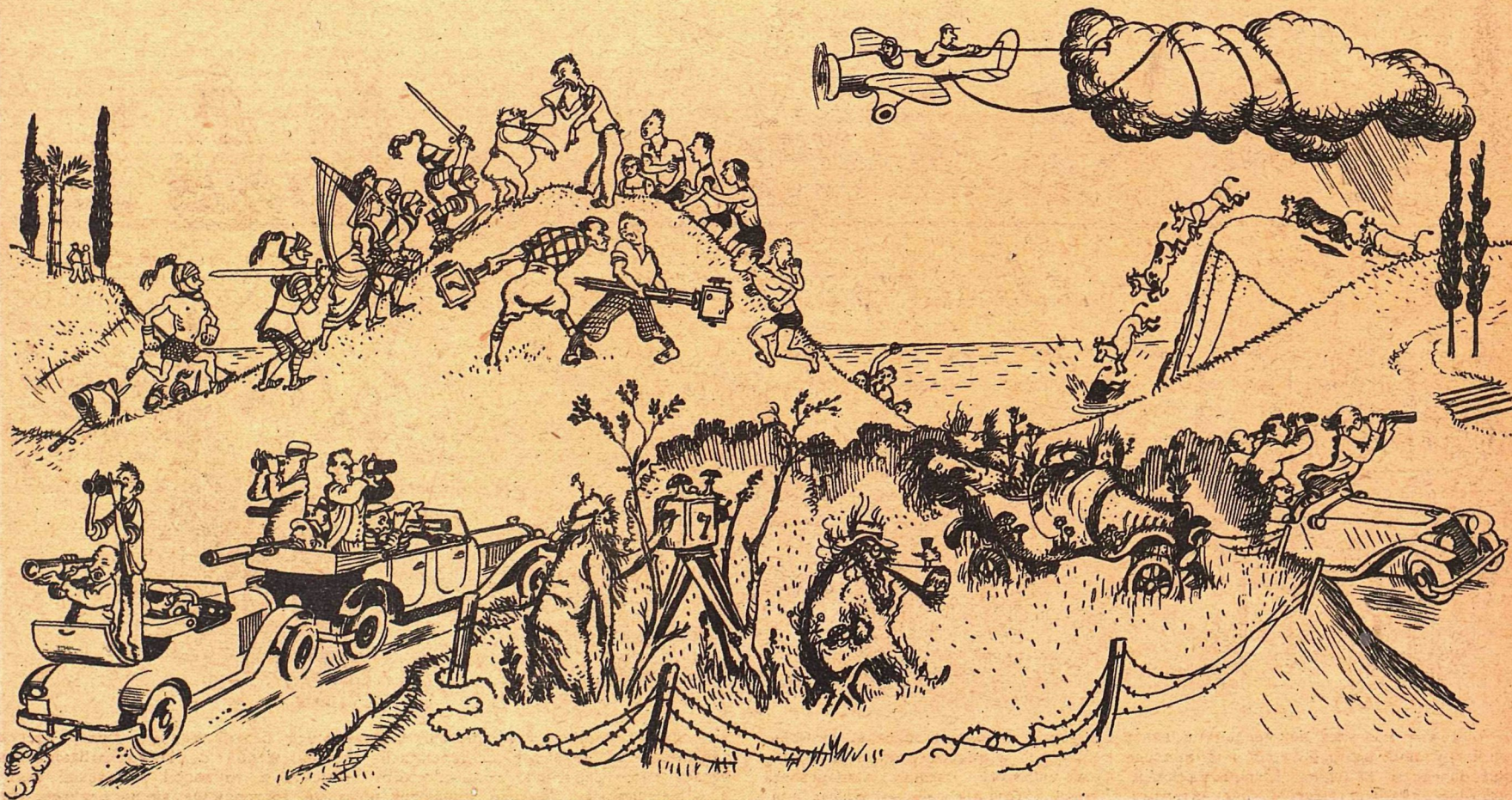
— Я вижу, котик, ты любишь меня попрежнему. Да? Ты даже бросил читать газету и придумал все, что надо покупать, чтобы я не беспокоилась.

Но муж пожал плечами и сказал:

— Это не я придумал. Наоборот, все это я вычитал вот здесь.

И муж похлопал рукой по объявлениям в конце страницы.

РОБЕРТ СУНДУКОВ

Сверху — сражение между двумя постановочными группами из-за ландшафта вообще и из-за вышенарисованного пригорка в частности. Пригорок оказался незаменимой деталью и для рыцарского поединка эпохи зарождающегося феодализма и для современного физкультурного эпизода отчасти из-за внешних очертаний, а также как ближайший пункт к фабричной столовой и остановке трамвая № 7.

В центре — так называемая замедленная съёмка. Началась четыре года

назад и прервана вследствие двухгодичного творческого отдыха режиссера. Грибы, выросшие на аппарате, несъедобны.

Справа — под закупленным по знакомству и привезенным на место съёмки фотогеничным облаком любопытное явление в животном мире: несколько пар парнокопытных, случайно попавших в зону озвучивания нового фильма музыкой композитора-формалиста, в панике кончают жизнь самоубийством. Люди оказались терпеливее и продолжают жить.

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ ИЗВОЗЧИК

Извозчик обернулся к пассажиру, возьму кровать, и спросил:

— Сколько заплатили?.. Дороговато немножко. Ну, ничего! С шпешками. Будто варшавская. Вам бы наперед у меня надо было насчет кровати спросить...

— Что ж, кроватиных дел мастер?

— Не в том штука. А только я по кроватям, опять же, скажем, по швейным машинам или, скажем, шкафам спец.

— Спец, а извозничаешь.

— А вот с этого извозу и стал спецом. Мы ведь теперь чего возим? Все поклажу. С чем в трамвай не пускают да в такси это, трижды будь оно неладно!.. А мы вежливо все доставляем, ну и с пассажиром говорим... Если хочешь хороший шкаф купить, лучше чем в магазине на углу Малого и Большого не найдешь.

— Спасибо. И вот вежливые вы такие, а все ж таки, пожалуй, вам скоро конец придет.

— Что ж, кровати, что ли, все сверх горла накупаются?

— Кровати магазин надом будет доставлять.

— Надом! Знаю, как они надом доставляют! Перепутают, шпешки потеряют.

— Подтянутся. Не будут терять. А вам конец.

— Не может нам быть конец, — упрямо сказал извозчик.

— И шкафы надом будут...

— Шка-фы, — усмехнулся извозчик. — Пушай и шкафы. А пьяных кто будет в милицию доставлять?

— Пьяных?

— Ага! — торжествуя воскликнул извозчик. — Это у нас вроде как общественная нагрузка. Пьяных пять в отделение за день свезешь обязательно. Это в будень день, а под выходной и вдвое. Неужели пьяных на такси в отделение возить будут? Иван Ефимовичу...

Извозчик поклонился встречному извозчику. На протекте встречного поперек лежал пьяный, на подушке сидел дворник.

— Я так понимаю, — сказал извозчик, — последний пьяный будет, ну, тогда и последний извозчик...

И хлестнул кнутом лошаденку.

НЕРВНОЕ ЗАНЯТИЕ

Полгода назад работник дезинфекционной бригады Вася Бакштейн купил себе фотоаппарат «БВГД» с принадлежностями. Сначала он храбро обращался с аппаратом, щелкал направо, налево и с видом заправского фотографа говорил перед с'емкой:

— Спокойно — снимаю!

Через полгода нервы у Васи Бакштейна были уже не те. Вчера в выходной день, он усадил всю дезинфекционную бригаду перед аппаратом. Стараясь не дышать на аппарат, вставил кассету дрожащими руками. Бригада успокаивала, ободряла:

— Да спокойно снимай.

— Не могу, ребята, — признался Бакштейн, — нет у меня спокойствия. Сами знаете, человек я не трусливый, никаких дифтеритов, тифов не боюсь. А вот тут опять сердце глохнет, подведет он меня.

— Да ничего, Вася, спокойно снимай. Мы же спокойно сидим.

— Вы-то спокойно, а вот ножки у штатива уже, вижу, трясутся. Все одно снимок шевелится.

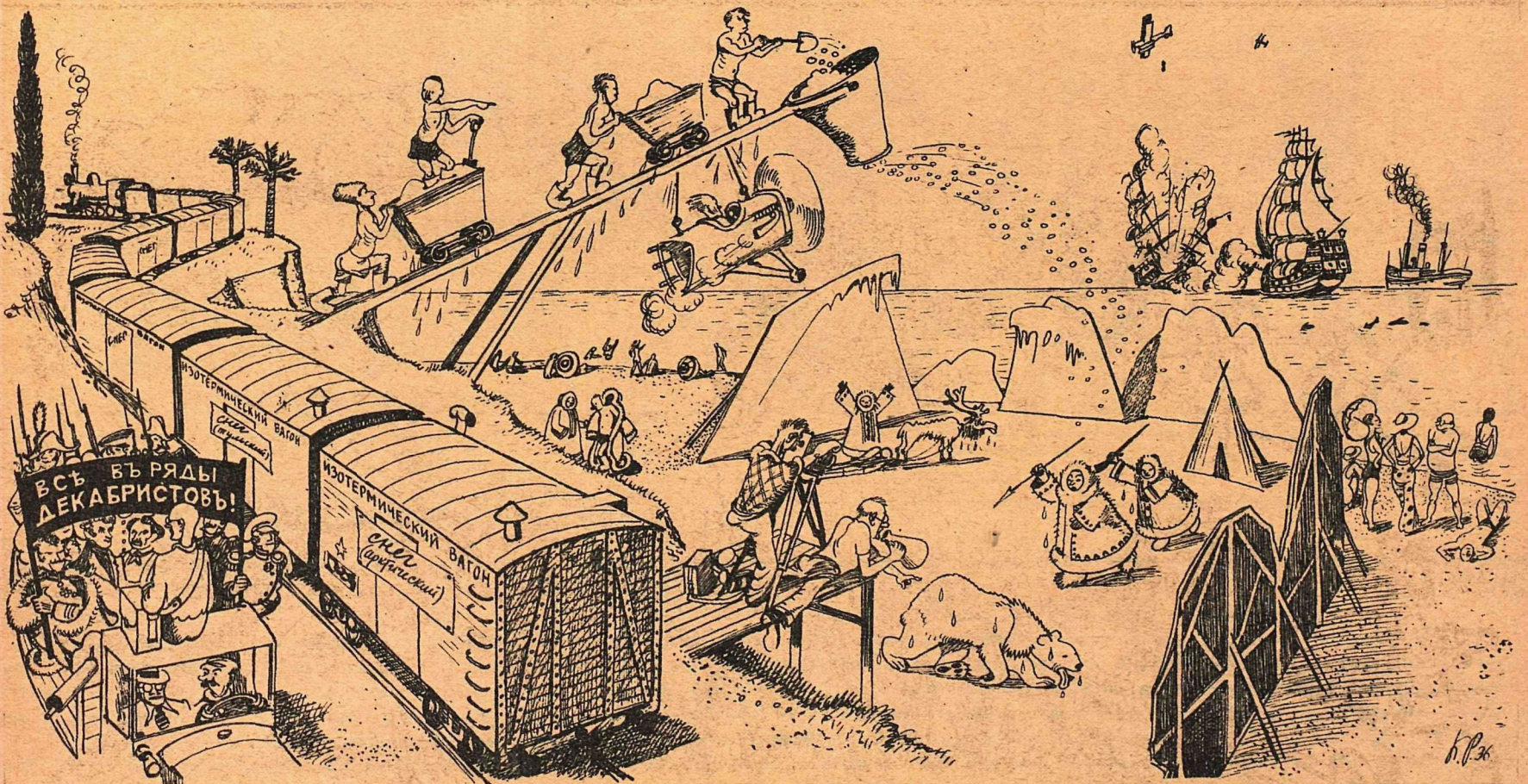
— Да брось, меланхолию разводить, — говорили сидящие, — спокойно снимай и все.

— Да, спокойно! Не штатив, так пластинки подведут. Случается, попадутся такие, будто в оспе.

— Экий ты трус стал. Риск — благородное дело! Снимай спокойно!

— Ну, ладно!.. Спокойно!.. Нет, трясется проклятый. Ребята! Дайте мне стул, а вы кто-нибудь постоите. Вам чего волноваться... Ну, ладно!.. Спокойно, спокойно!.. Сня... Ну, так и есть: затвор заело. Еще нован напасть! Пойду завтра на курорт проситься!.. А то совсем извелся!..

В. ТОБОЛЯКОВ

А вот мы уже на последнем этапе мощного кинопроизводства. Небольшой грузовик везет актеров под конвоем режиссера и кинооператора на с'емку исторической картины. Освобожденный член месткома, спешно назначенный историко-художественным консультантом с'емочной группы, уже заготовил плакаты, звучные изображаемой в картине эпохе. Кое-какие другие плакаты художественный консультант везет сам в автобусе, пугая робких пассажиров их таинственным историческим смыслом.

Идем дальше. Вот по собственному под'ездному пути прибыл специальный поезд, привезший натуральный арктический снег для с'емок лирической комедии «Пожар на льдине». В одном вагоне—снег из Тулы, где режиссер-создатель проводил творческий отпуск за изучением морского приюта и пси-

хологию огородников-активистов. Специальный белый медведь-люкс, дрессированный по договору с дирекцией третьей женой режиссера-наблюдателя, играет свою скромную роль чуждого элемента в трудовой лопарской семье. Тут же, немного поодаль, купаются штатные посторонние люди, резвясь, ныряя и получая жалованье. Совершенно самостоятельно—справа—гибнут и тонут корабли, арендованные для приключенческого фильма. После переделки сценария их поднимут и снимут вторично.

На этом мы и заканчиваем графическое и литературное описание по планам кинохалтурщиков несозданного советского Голливуда. Увы, он погиб как Помпея под дискуссионным пеплом, о чем мы с искренним удовольствием и удовлетворением и сообщаем читателям.

СКАЗКА О ДОБРОЙ, НО ГЛУПОВАТОЙ ФЕЕ

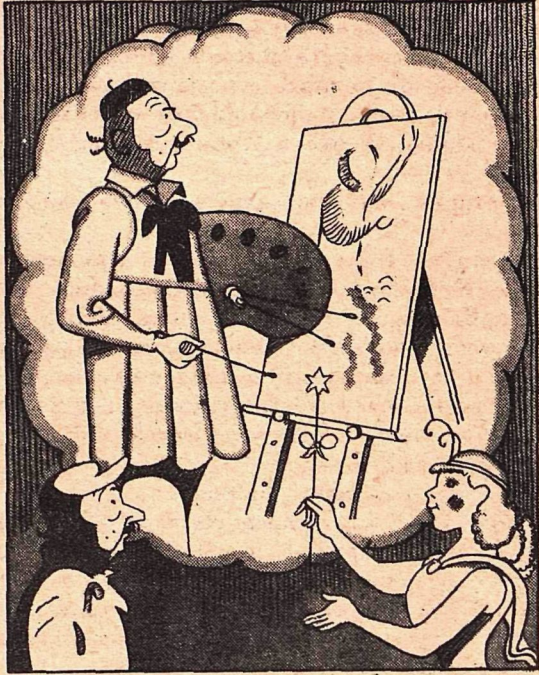
Рис. Ю. Ганфа

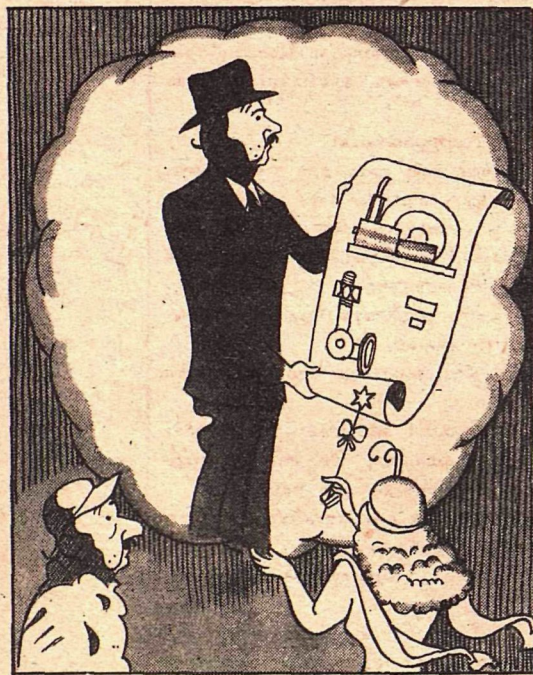
Была весна. На деревьях, как и полагается добрым деревьям, набухали почки. На скамеечке, как и полагается в добрых буржуазных государствах, сидел безработный. Сидел и думал, не появится ли откуда-нибудь надежда на обед. Вместо надежды появилась добрая фея и сказала:

— Хочешь, я тебя тут же, на месте, сделаю высокообразованным ученым?
— Дай подумаю, — осторожно ответил безработный.

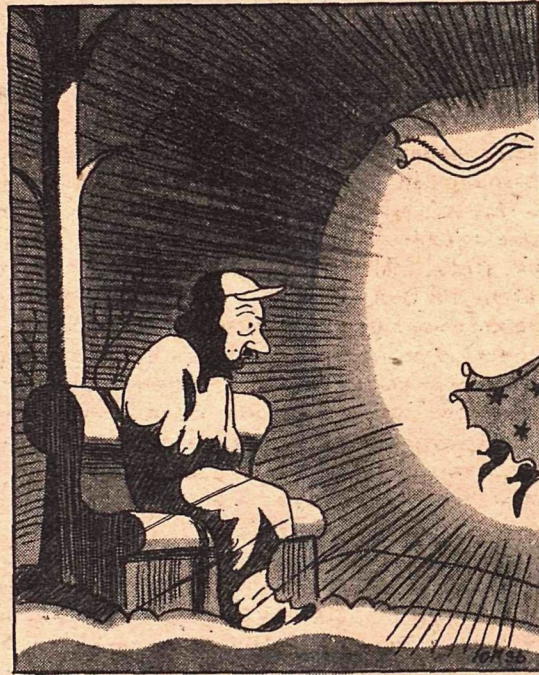
— Может быть, ты хочешь стать талантливым художником?
— Очень интересное предложение, — тихо вздохнул безработный.

— Может быть, тебе улыбается стать гениальным изобретателем.
— План неплохой, — зевнул безработный.

— Может быть, лучше хочешь быть талантливейшим музыкантом? Не стесняйся, говори...

— Вот что, фея, — задумчиво сказал безработный. — Если уж ты такая добрая, так посоветуй, что выбрать, чтобы не быть безработным?
— Ну, это ты уж хватил, — сухо проворчала фея, исчезая. — Я тебе не биржа труда!
И безработный снова сел на лавочку, убедившись, что никакие феи тут не помогут.

НЕ ВЫДЕРЖАЛИ

Перед последним актом пьесы о колхозной зажиточной жизни по требованию театральной общественности было устроено короткое производственное совещание. На совещании, кроме актеров, были режиссер и врач театра. Актеры, обращаясь главным образом к доктору, говорили наперебой:

— Разве это возможно? Чуть не каждый день эту пьесу даем, и хочешь, не хочешь, а ешь, ешь, а ешь на этом проклятом пироге!

— У меня уже изжога, доктор, появилась. Шутка ли — каждый вечер должен горшок пельменей сжирать.

— А что я сделаю?! — обиженно вскрикнул режиссер. — Пьеса о зажиточной жизни. Что я сделаю? Это у прежних драматургов были ремарки: (пауза), (тихо наигрывает), (жадно целует ее руки), (с тоской). Теперь этого нет...

Режиссер раскрыл авторский текст:

— Извольте ремарочки: (ест пельмени), (громко и торопливо ест пирог), (жадно ест пельмени)... И не (с тоской), а (с аппетитом)... Что

я могу сделать? Здесь же бутафорией не обойдешься: картонные пельмени глотать не будешь... А у вас, товарищи, должно быть, по старой поговорке: «Аппетит приходит во время игры».

— Так тоже нельзя, — вступился, наконец, доктор. — Вот у Анчарова после всех этих пиров ожирение замечается...

— Доктор! Милый! — вскрикнул Анчаров. — Двадцать лет обжору Фальстафа играл — и хоть бы хны... Но этого — председателя колхоза — и сезон не вытерплю. Шуточное ли дело: два с половиной пирога на мою долю, а пельменей — что звезд на осеннем небе...

— Господи, — вздохнула артистка, игравшая знатную доярку. — Прежде были люди, которые мечтали увидеть небо в алмазах. Неужели нынешние герои пьес только и мечтают, чтоб увидеть небо в пельменях?..

— Может, и не мечтают, да вот автор, — начал было кто-то. Но в это время на сцену пронесли столы с пирогами и пельменями. Артисты отвернулись.

В. ТОБОЛЯКОВ

ПИСЬМО ИЗ ИРБИТА

Здравствуй, Петя, здравствуй, дорогой!

В первых строках своего письма сообщаю, что я жив- здоров, чего и тебе от полного сердца желаю.

Послушай меня, Петя: брось Москву — столицу — и при- ездай к нам в Ирбит. У нас в Ирбите весело, просто заме- чательно!

В одной старой книжке нашел я недавно смешные стишки:

«Я плавал по Нилу, Бревном придавило.
Я видел Ирбит. Верзила-Вавила
Верзилу-Вавилу У виллы лежит...»

Так смею тебе доложить, драгоценный Петя, что озна- ченные стишки — сущий пустяк и полное искажение действи- тельности. Не знаю, что там происходит на берегах египет- ского Нила, но у нас в Ирбите — никаких Вавил и ника- ких верзил. Приезжай, Петя!

Я хочу тебе все рассказать подробно.

Еще в 1932—1933 хозяйственном году многие наши от- ветственные работники очень сильно водкой восхищались. И в этом смысле большое старание обнаруживали, ориенти- руясь преимущественно на кислую капусту: выпивали или тогда, когда на закуску имелась кислая капуста, или же тог- да, когда таковой не было.

Скажу тебе, Петя, по секрету: здорово пили, не стесняя себя в размерах, не ограничивая себя временем. И для сей благоприятной цели средства изыскивали весьма просто и некоторым образом остроумно: путем разверстки. Каждое индустриальное предприятие в лице своего руководства вно- сило свою посильную лепту в это благое дело: горфмашза- вод, скажем, — двести целковых, пивоваренный завод — триста, и так далее. Все участвовали по силе возможности, пассивных не было.

Долго этак забавлялись, а засим кончилось все дело строгими выговорами и прочими непредвиденными обстоя- тельствами. Ох, и всыпали! Приезжай, Петя! У нас весело, просто замечательно!

Наступил, Петя, 1934 год. И опять пошла гульба, аж дым стоял. Но пили не так просто, как раньше, пили примени- тельно к торжественным случаям, к юбилеям, слетам, имени- нам и так далее. Это были не прежние вульгарные пьянки, а некоторым образом высокоинтеллигентные банкеты.

Так например очень складно прошел тридцатидевяти- летний юбилей существования на нашей земле одного из ирбитских работников, товарища Шаврина. Ох, и праздник был! Для сей цели было изъято из кассы райкомиссии по делам краснотвардейцев 800 рублей.

А потом, в декабре того же года, устроили банкет для районного актива, на что райпотребсоюз ассигновал 1200 рублей круглым счетом. По какому случаю? Ох, и не спра- шивай! А только одно могу тебе по знакомству сообщить: на этом вечере бывший председатель райисполкома Кобелев до того расстрогался, что превратил в отбивную котлету все переносье милейшего Проскурина, заведующего райземоде- лом. Приезжай, Петя! У нас весело, просто замечательно!

Время, дорогой Петя, идет не останавливаясь. И вот та- ким манером пришел 1935 год. Глубоко ошибется тот, кото- рый по своей несознательности подумает может, что в 1935 году у нас в Ирбите прекратилось массовое истребление спиртных напитков.

Мало ли, друзья, случаев в нашей быстротекущей жиз- ни, чтоб выпить и закусить! Скажем, наступило закрытие зимнего сезона ирбитского театра. Как, скажите, пожалуйста, не обозначить такое культурное событие широкой попойкой?

Потом, глубокой осенью, в том же театре открывали зим- ний сезон. Сам понимаешь, Петя, что нельзя... Нельзя было пройти равнодушно мимо такого отрядного факта. Выпито 6 (шесть) бочек пива, истреблено 30 000 (тридцать тысяч) пельменей. А после пельменей забавлялись до утра коньяч- ком и мордобоем. Такой изумительной постановки давно не было в ирбитском театре. Приезжай, Петя! У нас весело, просто замечательно!

Дела, Петя, идут у нас прекрасно. Первые месяцы теку- щего года уже отмечены примечательными датами.

Председатель райисполкома Ремизов устроил грандиоз-

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ И МАРКИЗЕТ

В клубе железнодорожников КОР (клуб имени Октябрьской революции), на Комсомольской площади, происходит собрание женского актива. Докладчик — това- рищ Макарова, работник системы Наркомместпрома. Ее высказыва- ния дискуссионного порядка. Ауди- тория часто перебивает:

— Я вкоре несогласна с до- кладчиком в вопросе о рукавах для полной женщины!

— Почему?

— Если мы будем делать широ- кие рукава, а женщина еще от себя полная, то что же это вый- дет? Не рука, а окорок.

— Неверно, товарищ! Именно широкий рукав — он скрадывает руку. Посмотрят и думают: это, конечно, рукав такой, а ручка в нем, наверное, тоненькая!

— Не знаю, кто это так поду- мает. Раз про меня знают, что я толстая, с какой стати они будут думать, что у меня тоненькая ручка?!

— Платье заставит подумать!

Фу ты, какая профанация! Мыслимая ли вещь, чтобы совет- ская общественность обсуждала проблемы фасонов и рисунков? Окажется, в 1936 году — мысли- мая. И актив железнодорожниц об- суждает работу Дома моделей, ко- торый занят почти научным и, во всяком случае, художественным из- готовлением женских туалетов. Докладчик — товарищ Макарова, художественный руководитель ма- стерской. Вместо диаграмм и «кривых» на жеваном картоне с Макаровой явились в клуб пять милостивых гражданок, которые в порядке очереди выходят на сцену и на себе показывают создания Дома моделей.

— Вот скромное платье, в ко- тором можно пойти на работу и летом выйти на улицу, — говорит Макарова, оправляя складки ворот- ника на одной из своих моде- лей. — Как видите, на нем почти нет швов.

— Куда ж они делись, швы?

спрашивают из зала.

Хитрая Макарова отвечает:

— А мы вообще избегаем швов. Чем меньше швов, тем удобнее по- том переделывать платье. Каково же ваше мнение, товарищи?

Восторженная гражданка из пар- тера кричит:

— Кррррссота!

Но на нее шикают соседки: это — некритическое отношение. Красота красотой, а нужно высказываться по существу.

— А материал какой?

— Крепдешин.

— Тогда это не годится. Креп- дешин — вещь дорогая. От него требуется нарядность. А у вас что: по черному полю ручки и штучки, ручки и штучки... Это только ситцу в пору. В крайнем случае, маркизету!

— Вот летнее спортивное платье с широкой юбкой. В нем можно пройти по улице. Потом вы при- ходите на теннисную площадку, и обнаруживается, что это не юбка, а широкие шаровары. Пожалуйста! Восторженная гражданка снова кричит:

— Кррррссота!

В седьмом ряду две журналист- ки зарисовывают и записывают номера платьев, но, будучи жен- щинами, высказывают обо всем личные мнения:

— Это чересчур ярко, а то че- ресчур марко.

— Это чересчур сложно, а это можно...

Аудитория увлеклась. Регламент не соблюдается. Но вот исчерпа- ны все привезенные наряды.

Худенькая домохозяйка-активист- ка — председатель — с грузом поднимает здоровенный колоколь- чик и говорит:

— Товарищи, в президиум посту- пил проект резолюции: «Привет- ствуй работу Дома моделей и его выезд к нам в клуб, собрание считает...».

Общественность вступает в свои права.

Иван Дитя

ную попойку по случаю потери им в пьяном виде партий- ного билета. С горя и выпили, понятно.

А потом случилось радостное событие: амнистировали Резлера, уполномоченного по заготовкам: его, видишь ли, чуть не привлекли к ответственности за плохое руководство и некудышный контроль по хранению зерна. Опять же выпили.

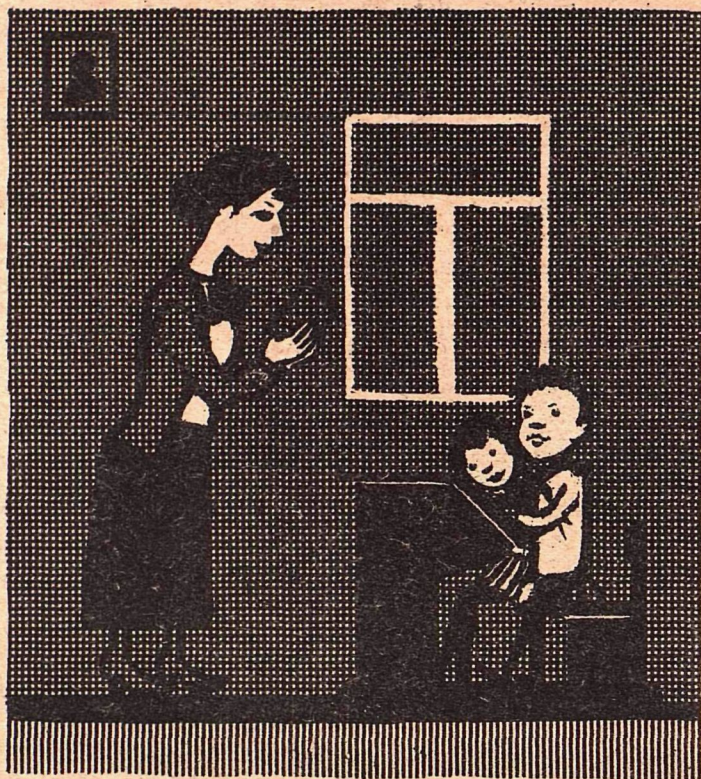
Засим в течение двух суток пили по такому важному обстоятельству: Вадиму, сыну редактора Смиренского, испол- нилось полтора года.

Потом пили... Ну, всего не перечить. Будь уверен, хоро- шо пили, без дураков. А по сторонам стояли ирбитские из- биратели и думали: «Дудки! Раз обманули...»

Ох, что будет!.. Приезжай, Петя! У нас весело, просто замечательно!

Г. РЫКЛИН

Рис. Ю. Ганфа

— Назови мне самое длинное слово.
— Вступительное к музыкальной передаче.

ВСЕ ДЛЯ РЕБЕНКА

Рис. А. Радакова

— Нас обвиняют в том, что мы несерьезно относимся к детской передаче. Помилуйте, вчера передача была посвящена теории относительности Эйнштейна, сегодня музыкальная программа посвящена Дебюсси, а завтра мы будем передавать о второй аксиоме Лобачевского. Чего им еще надо?

образцовые
РАДИО
ПРОГРАММЫ
в помощь Радиокомитету

МАРТ, 1936 г.

№ 1(01)

Проблема радиовещания, как известно, усложняется полным отсутствием кризиса в эфире и недозавозом радиоволн. Тут нельзя, как в издательствах, отговориться нехваткой бумаги или, как в кино, сослаться на дурное качество пленки. Эфира хватает всегда и на всех. Волна идет полновесная, без брака. Значит, выход один — вещать и вещать с 5 часов 40 минут утра («Алло, алло, вставайте, начинаем гимнастику») и до 1 часа 30 минут ночи («Слушайте последние известия...»).

Всячески соболезнуя работникам радиовещания, у которых начисто отнята такая ценная игрушка, как «объективные», мы намерены им помочь и выпускаем свою программу вещания применительно к их навыкам и вкусам. Пусть заимствуют у нас, если не стыдно.

25 МАРТА

(Волна 1523 метра)

8.20 — Передача московской телефонной книги, буквы «Ш», «Щ», «Э».

8.45 — Концерт — соло на чайных ложечках, артист Абалабухов.

10.00 — Передача для грудных детей. У погремушек — К. Ищенко, сюсюканье и чмоканье — артист Скрозеватов.

10.45 — Беседа провизора Кокелюш «Как я скатываю пилюли».

11.20 — Концерт — отрывки из романсов: «Не смей, красавица, при мне», «Мышки едят колбасу», «Средь шумной вечерки случайно», «Трынды-брынды» и др. Исполняют: Ед-вабный (бас), Кусайтис (сопрано), Петляк (меццосопрано), Акистович (пишущая машинка).

12.15 — Передача из тира Бауманского района «Стрельба из мелкокалиберной винтовки».

14.37 — Музыкальный монтаж оперы «Сизые ухваты» в закругленном виде. Ведет монтаж артист Клобустер (баритон плюс контральто).

14.39 — Заочная учеба: «Ударим лобзиком по фанере». У микрофона заслуженный мастер лобзика Сигалаев.

16.18½ — Концерт — песни копокрадов XVIII века, исполняет артист Клобустер (сопрано плюс тенор).

19.23 — Животные у микрофона. Белые мыши в своем репертуаре. Руководитель С. К. Каравашкин.

21.05 — Передача на шведском языке «Как пользоваться ногтечисткой».

23.44 — Танцевальная музыка. Исполняет артист Клобустер (сопрано минус колоратура).

0.08 — Цикл: знакомимся с прейскурантами: отпускные цены на скобяной товар франко склад.

26 МАРТА

(Волна 700 метров и больше)

10.50 — Литературная передача, посвященная проблеме шекотки в современной поэзии. Стихи Ивана Шершавого, Сашкиной - Машкиной, Сопатко, Рыбчика и др. читает уборщица нашей радиостанции Рузана, Е. П.

12.73 — Концерт — исландский гопак у разных композиторов. Исполняет квартет корнет-а-пистон в составе Па-

юсного, Тумбы, Чилижамова и Хрунтяева.

19.05 — Трансляция балета «Битюг».

23.18 — Любимые арии: «О, когда бы была я гадюгой», «Утеплите мне зимнюю базу», «О, Кармен, зайди в помещенье».

24.31 — Последние известия вчерашних газет.

Составил В. АРДОВ

Рис. Л. Генча

— Удивительно, такой маленький дом отдыха и такая масса отдыхающих!
— Что ты, что ты! Это же не отдыхающие. Это обслуживающий персонал.

С Е Л Е Д К А

Он имел очень скромный вид и как человек и как покупатель.
— Заверните мне эту селедочку, — уютно попросил он.
Продавец завернул селедку и протянул покупателю.
— А еще в один лист нельзя? — спросил покупатель. — С нее рассол капает.
— А чему же с нее, ликеру, что ли, капать? — спросил продавец. — Какая у рыбы среда, такая и капает. На селедку больше одного листа не полагается.
Покупатель посмотрел в невыразительные глаза селедки, потом на хвост, с хвоста — на перед пальто.
— Видите, — с укоризной показал он, — пальто испортил. И в трамвае она пассажиров запачкает.
— Мы за товар в магазине отвечаем, а что он на улице будет делать, это посторонний вопрос. Обратитесь к заведующему.
— В чем дело? — спросил подходя заведующий.
— Вот покупатель на нашу селедку жалуется, говорит: пачкает.
Покупатель показал на пальто.
— Какое же ваше предложение? — спросил заведующий.
— Мое предложение — дать мне второй лист бумаги.
— Вот они куда гнут! — сказал продавец. — Им каждую селедку в манто завертывай.
— Нельзя! — отрезал заведующий. — На селедку только один лист полагается.
Покупатель вдруг вскинул голову.
— Я требую, чтобы мне завернули селедку еще в один лист бумаги! — сказал он металлическим голосом. — Я готов доплатить одну, три, десять копеек! Но я хочу идти с ней как гражданин, а не как вредитель.
— За десять копеек вы для нее газету приобрести можете, — отве-

тил заведующий. — Вообще, раз вы в магазин за селедкой идете, надо готовиться.

— Но я ее экспромтом купил! — закричал покупатель. — Она мне понравилась.

— Да, селедочка замечательная, — сказал заведующий.

Он посмотрел с участием на покупателя.

— Знаете что? — сказал он. — Вы с ней по мостовой идите, против движения. А в трамвае ее вот так: хвостиком вниз, и над шляпой придерживайте. На вашей шляпе поля широкие: публику не запачкаете.

— А я требую второй лист бумаги! — закричал покупатель. — Иначе... иначе подайте книгу!

— Ах, та-ак! — протянул заведующий. Его лицо сделалось каменным. — Пожалуйста!.. Ваня, подай покупателю книгу для жалобы! У них настроение писать имеется. Пожалуйста, гражданин! Вам стульчик? Вот перышко. Пишите-с! — пригласил заведующий.

Над покупателем воцарились мрак и холод.

Покупатель посмотрел на перо. Потом на чернильницу. Потом на бумагу. Потом положил перо.

Потом во взгляде его засветилось что-то такое, решительное.

И раньше чем заведующий успел упасть или вскрикнуть, покупатель смочил о селедку палец и выдрал два листа из книги.

— Ах! — покачнулся заведующий.

— На-те вам! — сказал покупатель и завернул яблочную селедку в листы, выдранные им из жалобной книги. — Делайте со мной, что хотите!

— Идите уж: не до вас тут! — сказал продавец и бросился поднимать заведующего.

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

ПОРЯДОК ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Рис. Л. Бродаты

— Лейтенант Шульке! Этот рабочий так кричит, что его придется арестовать за нарушение тишины и порядка.

Рис. М. Храпковского

Город Нюрнберг славится колоколами и мастерами пения. Но что представляет собой такая слава? Звук пустой, как грустно отметил один поэт.

Отзвучали колокола, мастера пения образовали интимный хоровой кружок в соседнем концлагере, а нюрнбергская слава повисла в воздухе, и вполне понятно желание местного магистрата вернуть ее родному городу любой ценой.

Может быть, именно в этих целях магистрат и издал недавно свое знаменитое «Положение о домашних служащих», которое невольно заставляет вспомнить об этом старинном и живописном немецком городе.

«Положение» предусматривает все переживания, вздохи и выдохи домашнего служащего с акуратностью утренней зарядки по радио: и когда он должен сказать «Хайль», натягивая ботинки утром, и когда он не должен говорить «Хайль», снимая их перед сном, и когда он может как добрый ариец поздравить хозяина с праздником, и когда он не должен как ариец впускать в дом незнакомых людей.

Но самое благоуханное место «Положения» — это подраздел, касающийся положения служащего-арийца в еврейской семье.

Прежде всего выясняется детально и четко, что такое еврейская семья как таковая и как она перестает быть еврейской по нюрнбергскому счету.

Еврейское положение семьи, оказывается, зависит от того, где спит и кушает хозяин.

Если хозяин предпочитает спать у себя дома, на диване или собственной кровати, семья считается безнадежно еврейской.

Еврейский сон окончательно отрывает семью от арийской государственности.

В такой семье домашним работником ариец быть не может. Даже если еврей-хозяин страдает бессонницей и вообще спит только для виду, чтобы не попадаться на улице на глаза штурмовикам.

Но тут же дается и выход из положения, так как некоторым арийцам все же приходится в силу неблестящего экономического положения в городе Нюрнберге обслуживать своими скромными силами «преступные еврейские семьи».

Еврей-хозяин не должен спать дома, но кушать он может за собственным столом.

Пришел, поздоровался, с'ел тарелку супу, наскоро дожевал жаркое, проглотил компот и — пожалуйста. Не дай господь еврею задремать после обеда!

В таком случае, если хозяин спит в другом месте, а обедает с семьей, — семья считается уже полужеврейской и ариец спокойно может служить в ней.

Спокойно — это, конечно, преувеличение. Нюрнбергский регламент предусматривает и здесь кое-какие немаловажные детали. Находясь в такой полужеврейской семье, добрый ариец не имеет права с'есть еврейский обед, который постепенно отравляет его благородную кровь. Он имеет право пользоваться только завтраком, который, как известно, легче и не так губительно действует на добротный арийский организм. Да и завтрак должен состоять только из кофе с бутербродами. Бдительный ариец должен зорко следить, чтобы хитрый еврейский наниматель не подсунил ему колбасы или вчерашнего жаркого.

Все это точно, четко и по пунктам зарегистрировано в нюрнбергском «Положении о домашних служащих».

Позвольте, спросит нас читатель, неужели же нет просто здравомыслящих людей в Германии, которые бы повлияли на нюрнбергских забесившихся клоунов?

И вот, поскольку мы только выступаем как скромные повество-

— Почему этот иностранец убежал, лишь только я ему сказал, что в нашей гостинице он будет себя чувствовать как дома?
— Это же немецкий эмигрант.

ватели фактов, мы и заканчиваем этот короткий обзор упоминанием еще об одном, очень любопытном факте, показывающем, как некоторые здравомыслящие подданные фашистского государства реагируют на подобную атмосферу.

Это было надих. В городе Ганновере умер доктор Хельхорн, владелец местного сумасшедшего дома.

При жизни доктор Хельхорн был добрым патриотом и не беспокоил ни государственные, ни местные власти никакими колебаниями и выпадами.

Но когда он умер и родные вскрыли конверт с завещанием, в последнем стояло кратко и веско:

«Мой сумасшедший дом оставляю в наследство уважаемым вождям национал-социалистической партии. Хайль!»

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Я возмущен до глубины души. Лежу я у себя в палате Палкинской районной больницы, никого не трогаю, сплю. Вдруг входит дежурная сестра и хочет поставить мне банки. Она, видите ли, перепутала палаты и приняла меня за больного. А я не больной, я командированный из Пскова. Пора бы персоналу Палкинской районной больницы запомнить, что в палате № 46 у них ночуют командированные ответственные товарищи, которые направляются сюда по запискам председателя РИК тов. Маслова, и не беспокоить их безответственными банками. Мы не виноваты, что в Палкине нет Дома крестьянина и приходится жить в больнице.

Командированный
КАРАСЕВИЧ,

Палкино,
районная больница, палата
№ 46, стучать три раза.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

В нашем Ветринском районе (БССР), в колхозе им. МОПР, нарсуд и прокуратура находятся в том же, доме, где и лавка Центроспирта.

Пока следователь допрашивает по делу одного свидетеля, другие прохлаждаются в лавке Центроспирта, откуда выходят в слишком веселом настроении.

Когда лавка Центроспирта закрыта, чаящие движения «горькой» воды спрашивают в нарсуде о том, когда произойдет открытие лавки.

Бывали случаи, когда посетители лавки обращались непосредственно к нарсуду с просьбой «одолжить стакан для распития пол-литровки».

К кому же, в конце концов, обратиться, чтобы распутать положение: в прокуратуру, в нарсуд, или в... Центроспирт?

Н. ШАШОК
БССР, Ветринский район

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

У меня абонементная карточка для проезда по кировобадской трамвайной линии. Карточка маленькая. А кондукторам велено отмечать на ней чернильным карандашом время проезда владельца абонемента. Чернильный карандаш на сухом месте не заметен. Поэтому кондуктора берут у меня карточку и плюют на нее, а потом пишут. Езжу я за день 7—8 концов, и 7—8 раз кондуктор плюет мне на карточку. Кому я ни жаловался — ничего не помогает. Что же сделать, чтобы мне не заплевали карточку?

Служащий А. КОГАН.
г. Кировобад
Азербайджан. ССР

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Пишу тебе как один из пострадавших на новом фронте борьбы с буквой «ять». У нас, в г. Южно-

ве, из райбиблиотеки внезапно и срочно изъяты все классики, напечатанные по старой орфографии, а новых изданий нет. Теперь у нас, учащихся, положение такое: или собираться где-нибудь в подвале и тайно прорабатывать Пушкина с «ятями» или же совсем отказаться от классического литературного наследия, опозоренного этой несчастной буквой. О третьем способе — приобретении библиотекой новых изданий — мы, пострадавшие, не смеем и мечтать. Что делать?

А. ОСИПОВ.
г. Южново, Зап. обл.

МИЛЫЙ КРОКОДИЛ!

Мало ли, конечно, с кем приходится встречаться в дороге! Но я человек общительный и со всеми могу разговаривать и удобно устроиться. Но вот на днях на почтово-пассажир-

ский автомобиль, отправлявшийся из Гали в Очамчиры (Абхазская АССР) контролер Габисания посадил к нам корову с теленком. Очень было скучно ехать. Хорошо еще, что корова спокойная попала, да и теленок ничего. Так и доехали.

С дорожным приветом
М. Джиган.
Сухум.

ДРУЖИЩЕ КРОКОДИЛ!

Я хотел дать телеграмму со станции Пермь II (Пермская ж. д.), но вынужден был отказаться от этого по очень странной причине, о которой я бы хотел узнать твое мнение. Над окошечком для приема телеграмм висело такое объявление:

«Прием телеграмм не производится ввиду понижения температуры».

Будь другом, помоги выяснить в какой-нибудь авторитетной инстанции: какая температура требуется для телеграмм, заказных писем и простых банделей?

М. ПОТАПОВ.

ст. Верешанино,
Пермск. ж. д.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Я не хочу, чтобы мой папа стал алкоголиком. Но как быть, если у нас на Уралмашзаводе Союзутиль отпускает школьные тетради лишь в обмен на пустые водочные бутылки.

Сам я непьющий, папа тоже, но без тетради учиться нельзя.

У нас в классе есть один мальчик Вася, у которого отец алкоголик. Недавно у васинога отца был запой, и я через Васю разжился двумя пустыми бутылками, за которые и получил тетрадку для арифметики. Теперь мне нужна тетрадка по русскому языку, но васин отец пить бросил. Что мне делать, не знаю. Научи.

ШУТОВ, пионер.
г. Свердловск.

ИСТОКИ ГОРЯ

Рис. Л. Генча

— Что значит отец: — Как убивается из-за ребенка!
— А что он у него — умер?
— Да нет, алименты присудили платить.

Рис. А. Топкива

— Чего мешкаешь — подавай хлеб.
— Погоди, дай нарукавники одеть.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

О СРЕДНИХ ЦИФРАХ

Когда одного штатного плановика спросили, сколько у него детей, он привычно ответил.

— В среднем, ориентировочно, не меньше трех.

Это — анекдот. А вот — выдержка из приказа председателя Центросоюза СССР т. И. Зеленского от 27 февраля 1936 года:

«Обязать тов. Ниллену выделить для постоянной работы в Южно-Киргизском Союзе около двух человек из оканчивающих курсы Центросоюза».

Для выполнения такого приказа тов. Ниллену придется призвать себе на помощь хирурга. Бедные курсанты Центросоюза!

„ДОВИШЕ СТЕПЕНИ“

Нам кажется, что пора уже совершенно серьезно заговорить о культуре афиши.

Нельзя же в конце концов даже самым периферийным райлитам разрешать такие, например, душу раздражающие шедевры, как афиша некоего Романа Горца, пропущенная Кубинским райлитом (г. Куба, Азербайджанская АССР) за № 283:

СЕГОДНЯ ГАСТРОЛИ ПОПУЛЯРНЫЙ АТЛЕТ-БОРЕЦ
масист тяжелого атлета
РОМАН ГОРЕЦ.
Работа гирами эгибани железные пруди эгибание балки и довише
степени тело развития с всякого вида человека.
Начало в ... ч. вечера
Райлит № 283. Куб. Типография Тираж 500 экз.

Упомянутому Роману Горцу, конечно, «довише степени» все равно, каким заумным и жестоким языком рекламируется его работа «гирами», но до какой степени чувствуют себя ответственными «всякого вида человека», пропускающие такое печатное массовое безобразие?

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

Как иногда неожиданно раскрывается развал в профсоюзной работе, излишне натуралистически, но весьма характерно рассказывает выписка из протокола № 17 заседания Дорпрофсожа Моск.-Казанской железной дороги.

«СЛУШАЛИ:

О председателе МК 18 дист. пути Демине, который 13 июля ехал из Муром в п. 77 в пьяном виде, в вагоне себя сильно дискредитировал в результате от зловоныя пассажиры вынуждены были перейти в другой вагон, а этот вагон подвергся дезинфекции.

При расследовании данный факт целиком подтвердился. Проверкой установлено полный развал профработы, обнаружена растрата на сумму 294 р. 21 к. Путевки рабочим не раздавал, а задерживал у себя, в столах обнаружены бланки с печатью, незаполненных чл. проф. книжек. Профсоюзные документы находятся в хаотическом состоянии».

Спрашивается: а если бы этот самый Демин не «дискредитировал» себя в вагоне так, что пассажиры вынуждены были разбежаться, сколько бы еще времени он смог беспрепятственно разваливать профработу, растрчивать и напиваться?

ЦЕЛЕВОЕ ПРИСТАВАНИЕ И СТУЧАНИЕ

В г. Сухиничи (Зап. области) Горсовет решил серьезно взяться за борьбу с хулиганством и издал по этому поводу специальное постановление, в котором, между прочим, объявляет о своем решении:

Воспретить бесцельное приставање к прохожим, бросание грязью, камнями и т. д.

Воспретить бесцельное стучание в стены, двери, окна жилых помещений.

Горсовет, повидимому, хорошо изучил конкретные навыки и повадки некоторых из своих граждан. Но почему он предлагает им отказаться только от бесцельного приставания, бросания грязью или стучания в двери? Или у горсовета есть какие-то свои соображения насчет чисто целевого бросания камнями и стучания в стены?

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редакция: Л. ЛАГИН, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-05-46; Д 3-05-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена 1 р. 20 к. в месяц ● Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 275

Сдача текста и рисунков 8/III—36 г.

Подп. к печати 13/III—36 г.

Статформат 72×105. 1/8 л.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 120 000

Уполномоч. Главлита Б—19213

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 543

Тираж 266 000

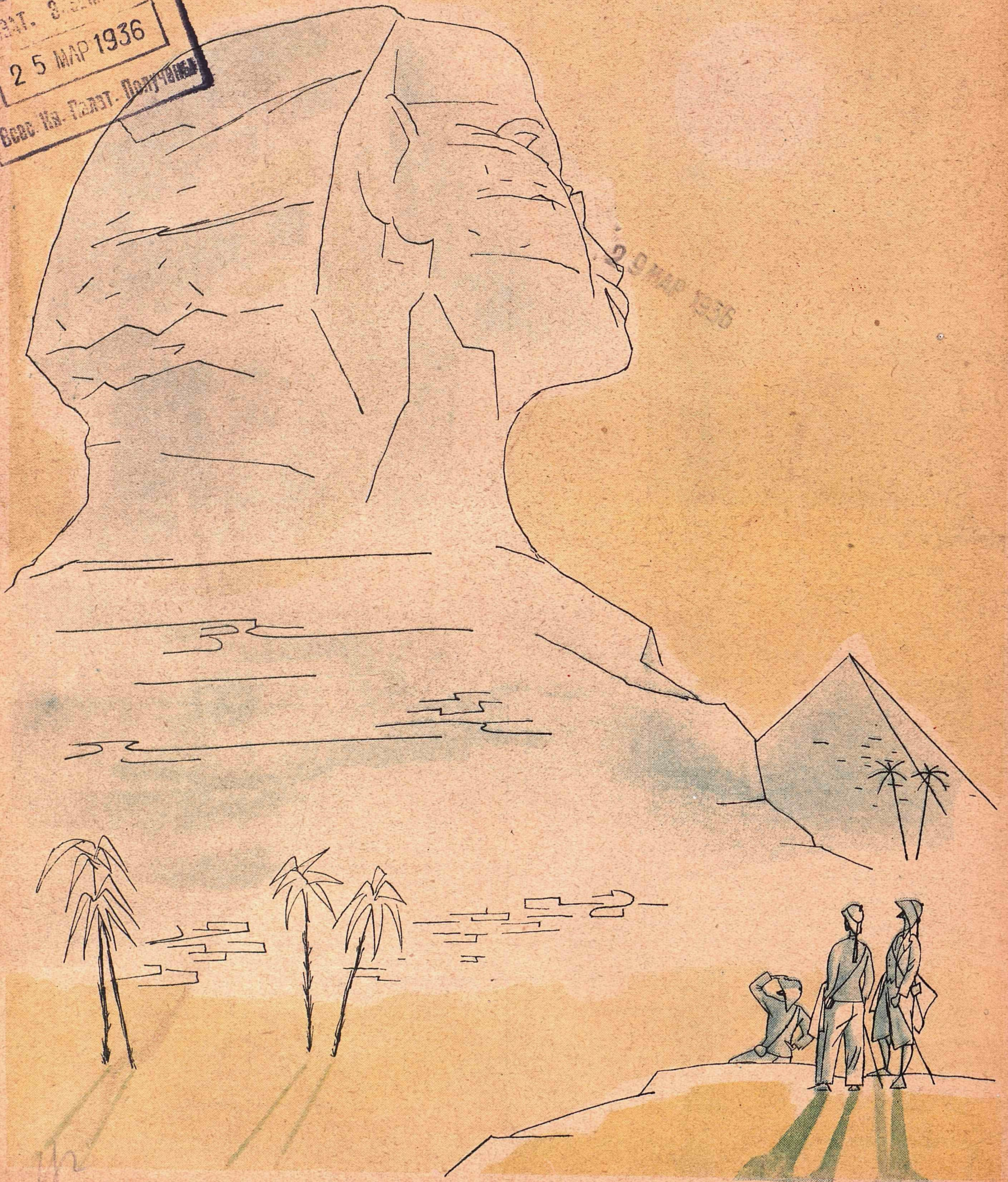
Рис. Л. Сойфертиса

50

РЕДАКТ. ЗАКАЗЫВАЕМЫ

25 МАР 1936

Всес. Изд. Палат. Получены

ТУРИСТ В ЕГИПТЕ: — Какие прекрасные декорации! Интересно только, для какого это фильма они сделаны?